

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ГРЭМ
СВИФТ

СВЕТ ДНЯ

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С24

Graham Swift
THE LIGHT OF DAY

Copyright © 2003 by Graham Swift
This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC.

Фото автора © Janus van den Eijnden

Перевод с английского *Л. Мотылева*
Художественное оформление *А. Старикова*

Свифт, Грэм.

С24 Свет дня / Грэм Свифт ; [пер. с англ. Л. Ю. Мотылева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-98395-7

«Свет дня» — пример игры в жанр, когда автор отказывается от всех правил.

Джордж Уэбб, бывший полицейский, а ныне частный сыщик, получает с виду очень простое задание от клиентки — проследить за ее мужем и его любовницей. После такого детективного начала Грэм Свифт, виртуозный стилист и обаятельный рассказчик, нарушает все правила не только детектива, но романа о любви. В любовном треугольнике автор «отламывает» угол, а запутанную интригу умещает в события одного дня, хотя охватывает тайны прошлого и загадки настоящего.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мотылев Л., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98395-7

Посвящается Кэндейс

В любви и на войне все честно.

1997

1

«Что-то на тебя нашло».

Рита сказала это два с лишним года назад и теперь знает, что нашло всерьез и надолго.

Что-то с нами случается. Переступаем черту, открываем дверь, которой раньше не замечали. Этого вообще могло не случиться, мы могли так и остаться в неведении. Может, большая часть жизни — всего-навсего отбытый срок.

Утренний поток машин по уимблдонскому Бродвею¹. Белые струйки выхлопов. Когда отпираю снаружи уличную дверь, дыхание вылетает облачками.

«Что-то на тебя нашло, Джордж».

Она поняла даже раньше, чем я. Не зря она на этой работе — чувствует, что носится в воздухе. Скоро уйдет от меня, я жду этого со дня на день. Я тоже чувую, что в нем носится.

Она, конечно, уже на месте. Бывало ли иначе? Говорит, плохо спит эти дни. «Эти дни» уже длятся годы. Каждый раз просыпается ни свет ни заря, так почему нет? Занятие всегда найдется. А я попозже. Привилегия начальника. Хотя нет и по-

---

¹ Уимблдон — район на юго-западе Лондона. Бродвей — улица в Уимблдоне. (*Здесь и далее прим. перев.*)

ловины девятого, а вчера я освободился только в третьем часу ночи. И сегодня особый день.

Дойдя до верха лестницы, слышу щелчок и шипение включаемого чайника, явно уже горячего. Компьютер в ее маленьком отсеке (мы называем его приемной, но это слишком лестное слово) работает. Кажется, что она провела здесь всю ночь.

— Холодно, — говорит она, ежась от воздуха, который я принес, и легонько кивая в сторону внешнего мира.

— Но красиво, — говорю я.

Она-то, похоже, явилась сюда еще в сумерки.

— Кофе, чаю? — спрашивает она, игнорируя и мою улыбку, и высказывание, точно настаивая, что мне наверняка тяжело было взять старт.

Но сонливости у меня сейчас нет, хотя, казалось бы, должна быть. Я умею урвать когда можно, взять свое, покемарить. Профессиональное. Ну а Ритины трудности со сном, если честно (порой она бывает на этот счет честна), не со сном связаны.

«Пустая постель, Джордж, в ней все дело. Был бы кто...»

— Чаю, Рит. Хорошего, крепкого.

На ней угольно-черная юбка и светло-розовая кофточка из мягкой шерсти. На шее простая серебряная цепочка. Маленькие блестящие сережки-гвоздики, легкий аромат духов. Кто-кто, а Рита всегда следит за собой. Приходится, ведь мы имеем дело с клиентами.

Но светло-розовый — это ее флаг, любимый цвет. Почти белый — белый с чуть заметным ру-

мянцем. Я видел его на ней много раз. Я видел на ней пушистый халат такого же нежного розового оттенка, неплотно запахнутый поверх голых грудей. В руках поднос с утренним чаем.

Вхожу в кабинет, дверь оставляю открытой. В мое окно на втором этаже льется свет, слепящий свет низкого солнца холодным ноябрьским утром. Свет, который попадает в Ритин отсек только сквозь лед полупрозрачного дверного стекла.

Она входит следом за мной с чаем для нас обоих и с бумагами под мышкой. Эти утренние совещания — ежедневный наш обычай, и она даже не ждет, пока я устроюсь, сниму куртку, включу свой компьютер, сяду. Солнце греет сквозь оконное стекло, хотя снаружи морозно.

Ставит передо мной чай, уже прихлебывая свой, глядя на меня поверх чашки. Кладет бумаги на стол, пододвигает себе другой стул — «клиентский». Пересекает слой яркого света.

Это очень напоминает брак. Мысль приходила в голову нам обоим. Мы знаем, что это лучше великого множества браков. Рита моя помощница, моя партнерша — ну, не совсем партнерша. Перечень ее служебных обязанностей никогда не был высечен на камне, но у меня язык бы не повернулся назвать ее секретаршей (хотя она, помимо прочего, и секретарша).

«Будь ангелом, Рит».

«А кто я, по-твоему, Джордж?»

Что бы я без нее делал?

Скоро уйдет от меня, со дня на день. Объявит утром — таким же, как сегодняшнее. Чай при-

несет только мне, бумаги не положит на стол, а будет крепко прижимать к себе на манер щита, сесть не сядет. Скажет «Джордж» таким тоном, что я вскину глаза, и через некоторое время мне придется сказать: «Да сядь же ты, Рита, ради всего святого», и она сядет напротив меня, как клиентка.

«Очень приятно было иметь с тобой дело, Джордж. Очень приятно было работать с тобой, но...»

Она знает, какой сегодня день. Четверг — день особый, но сегодня не просто четверг, еще и дата. Двадцатое ноября. Два года — если считать с *того* дня. Два года, и это не выдохлось. А раз так, будет длиться еще годы, сколько бы их ни оказалось. Прошло то время, когда она могла спросить меня (и спросила однажды): «Как ты можешь, Джордж, — к *ней*?» Или когда сама себе могла сказать: да, он рехнулся, он не в своем уме, но это пройдет, он очухается, надо только набраться терпения. Образумится, никуда не денется. А пока лучшая гарантия, лучший сдерживающий фактор — место, где находится эта женщина.

Хоть и не сразу, она, думаю, смирилась с этим — даже стала уважать. Факт, особенность. Каждый второй четверг мистер Уэбб отлучается «по делам». Я даже видел в ее глазах грустное доброе понимание. Потому-то и думаю, что она уйдет.

— Это для миссис Лукас — сегодня во второй половине дня. В пять сорок пять. Раньше ни-

как не может. — Быстрый взгляд. — Ты уже вернешься?

Мы оба знаем, что лежит в конверте. Фотографии. Мужчина и женщина в номере отеля. Увеличено до размера шесть на девять, чуть размыто, но лица вполне распознаваемы. На аппаратуру в наши дни можно положиться. Готовые снимки — особая печать, частный контракт — забирает Рита. Мужчина и женщина занимаются известно чем. Но такие изображения не достаиваются даже вскинутой брови, Ритиной или моей. Бегло взглянуть, и только. Карточки спокойно лежат между нами на столе, как утренняя почта.

Наш хлеб. Видно там, кто есть кто? Самое важное.

— Да, я вернусь к пяти тридцати.

— И мне просто говорить, — она не делает особенного нажима, — что до этого времени тебя не будет?

— Но я не уйду раньше десяти. Утром еще смогу отвечать на звонки.

— Хорошо.

— Красиво там, — говорю опять. — Холодно, но красиво.

Еще один взгляд искоса, более долгий на этот раз. Как будто хочет сказать: несчастная ты дурья башка.

Глаза усталые. Подведены безупречно, но усталые. Солнце окатывает нас точно теплым душем, но к морщинкам вокруг ее глаз снисхождения не проявляет. Попав на струйку пара из ее чашки, заставляет волосы искриться. Она придвигается

чуть ближе, желая обратить на что-то мое внимание. У кромки розового рукава — серебряный браслет.

Много прошло времени с последнего раза. Я пригласил ее попробовать кое-какую моюстряпню (Рита, конечно, ангел, но готовит отвратительно). Помнится, я даже прямо ей сказал: поужинать, и только. Но хорошая еда (вот и прихвостнул мимоходом) — штука коварная. Красное вино — тем более. Греет не только желудок, но и сердце. Разглаживает морщины. Растапливает защитные сооружения.

«Чем-то озабочена, Рит?»

Участливый начальник.

«Да нет, Джордж, ничего особенного. А ты? — Взяла бокал с вином обеими руками — ногти тоже были винно-красного цвета. — Просто то, что никого... Ну, ты понимаешь. Никого рядом».

2

Что-то случается. «Нашло», — так мы говорим.

«Скажите, миссис Нэш, а кто ваш муж по профессии?»

«Гинеколог».

Мысли, которые у меня возникли, конечно, остались при мне. Одна из них та, что это у меня впервые — гинекологи еще не попадались. По идее должны быть верными мужьями. Своего рода гарантия. Только и делают, что осматривают женщин. Казалось бы, с них должно быть довольно. Но

каково, интересно, быть замужем за гинекологом? За человеком, который каждый день осматривает других женщин?

«Понятно», — сказал я.

Но думаю, она прочла мои мысли. Женщины (взять, к примеру, Риту) читают мысли, лица быстрее мужчин. Гипотеза, урок моего ремесла. Может, женский закон такой есть. Гинекологический.

Я смотрел на ее лицо — карие глаза, — а она на меня, и была отчетливая мысль, что она читает мое лицо как книгу. И это не просто оборот речи. Я вот не читал лица как книги (я и книг-то не так уж много прочел), я читал их всего-навсего как лица.

Карие глаза. Необычный оттенок. Умная, подумал я, и не очень-то во мне уверена. Мои тупые «понятно, понятно». Сами эти мои каморки, узкая лестница, даром что окно на Бродвей. Впрочем, умная, но не слишком, и в себе уверена тоже не слишком — иначе не сидела бы здесь.

Потом, в один из моих четвергов, она сказала:

«Он не был гинекологом, когда мы познакомились, — остолоп. Он был просто... не очень прилежным студентом-медиком».

И засмеялась — правда засмеялась. Маленьким сухим смешочком. Оказалось, такое еще бывает. Я подумал: как в обычной жизни. Мы могли бы и не здесь находиться.

Еще позже она объяснила:

«Гинеколог — это из греческого. Буквально значит — бабник. Ха. Но он им не был. Кроме нее — никого. Я точно знаю».

По правде, она-то и научила меня выражать мысли, говорить обо всем этом, пользоваться словами. Чем не образование?

Он был гинеколог, она — преподаватель языков. Включая английский, разумеется.

«Понятно».

Солнце полого светило в окно моего кабинета, точь-в-точь как сегодня. Холод снаружи, слои нагретого воздуха внутри. Поверх стола между нами — солнечный барьер. Свет тронул ее колени, придавая им такой вид, словно им некуда спрятаться.

Не уверена во мне, подумал я, и может читать мои мысли — мои гинекологические.

Но если и правда могла, если читала, значит, прочла и ту, которая отдалась во мне маленьким сочувственным уколом. Что ей от этого еще хуже — больнее, стыднее. Все избитые шуточки и пошлые высказывания вылезли и теснятся вокруг, донимают ее. Каков гинеколог, а? Женский специалист...

Посмотрела на меня и почему-то улыбнулась. Улыбкой такой же беззащитной, как ее колени.

Переступаешь черту.

3

Цветочный только открылся. По полу цепочки серебристых блестящих капелек. Здесь, на другой стороне Бродвея, на первом этаже, солнце светит

с тыла, через заднее окно, и молодая продавщица на мгновение становится силуэтом на световом полотне.

Если Рита смотрит (это предположение, не больше), если подошла к окну кабинета и глядит вниз, она заметила, как я перехожу улицу, и подтвердила себе: идет покупать цветы. Хотя именно Рита здесь постоянный покупатель, а не я. Сегодняшнюю продавщицу я раньше не видел. В первый раз это был явный, неприкрытый знак: цветы в новенькой вазе на моем рабочем столе.

Подарок, Джордж, — начни что-то сызнова. Еле заметно качнула бедрами.

Но она и себе купила — для «приемной» (ваза поменьше), — и я увидел запись в книге расходов, которую она начала вести как положено: «Цветы для офиса». Еженедельная статья. Уже, конечно, не в подарок — за мои деньги.

Одно из многих ее нововведений — часть обширного «плана переустройства», наряду с аккуратной бухгалтерией.

«Представительство, Джордж. Это имеет смысл. Когда видят вазу с цветами, чувствуют себя уверенней. Хорошо для бизнеса».

Истинная правда. И никаких неприятных запахов. И никаких сомнительных шуток. Ты мое представительство, Рита. Когда они видят тебя... Я не сказал этого ей. Истинная правда тем не менее.

Почему я сам об этом не подумал? Простенькая деталь. Ваза с цветами. Из «Джексона» — только улицу перейти. Помимо прочего, личный